

А.Б. Пермиловская

ДЕРЕВЯННЫЙ КРЕСТ – СИМВОЛ ОСВОЕНИЯ САКРАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА РУССКОГО СЕВЕРА

Статья является фрагментом проекта по изучению архитектуры Архангельского края и посвящена изучению креста в широком географическом, историческом, эстетическом и религиозном контексте.

А.В. Permilovskaya

A WOODEN CROSS – A SYMBOL OF DEVELOPMENT OF SACRAL LANDSCAPE OF THE RUSSIAN NORTH

The article is a project fragment on studying the architecture of the Arkhangelsk district and it is devoted to cross-studying in a wide geographical, historical, aesthetic and religious context.

Традиция постановки деревянных крестов в России существовала с древних времен. Исторические документы хранят сведения о крестах XI–XV веков. Одним из ранних упоминаний о постановке деревянного памятного креста на горах Киевских апостолом Андреем говорит летописное предание «Повесть временных лет». Это событие изображено так: «святой апостол держит вставленный в землю большой восьмиконечный крест, возле – стоит человек с лопатой» [1].

К 1238 г. относится Игнач-крест, стоящий в 100 верстах от Новгорода. Это то место, откуда монголо-татарская орда под предводительством Батыея шла в сторону Новгорода и повернула назад, не подвергнув разорению Новгородские земли [2].

К 1359 г. относится известный Людогощинский крест в церкви Флора и Лавра в Новгороде [3]. Это «закладной» или «поклонный» крест.

На Русском Севере получил известность крест, поставленный в 1694 г. царем Петром I в Унской губе на побережье Белого моря при посещении Соловецкого монастыря в знак спасения во время бури 2 июня того же года.

Предпринимая этот краткий экскурс к наиболее древним, известным и почитаемым крестам, хотим подчеркнуть важность вопроса. Деревянные кресты так же, как церковь, часовня, изба, икона, – всегда сопутствовали жизни русского человека и занимали значительное место в культурном ландшафте.

Процесс духовного освоения просторов Севера заключался в пространственно-временном развертывании образа Креста, который, обрастая различными архитектурными и художественными деталями, последова-

тельно претворялся в более сложные сакральные объекты: часовню, храм.

Русские землепроходцы, осваивавшие пространства Севера, на местах новых поселений устанавливали большие деревянные кресты. В других случаях вместо креста ставили столб основания деревни, но с обязательной иконой и небольшим литым крестом на его лицевой стороне, пример – столб основания д. Березник Лешуконского района, 1879 г. [4]. «Для защиты от дождя и снега над крестом делали дощатый футляр, являлось нечто вроде часовни. С увеличением населения, а также в память о каком-либо событии, жители строили настоящую часовню» [5]. По прошествии времени на месте часовни или рядом с ней возводился храм.

Однако отношения между элементами священной триады характеризуются не только переходом от простого к сложному, но и обратным процессом свертывания пространства к своему духовному центру – первообразу [6]. На месте разрушенных церковью устанавливаются кресты, чтобы в будущем воздвигнуть храм.

Деревянные кресты – это уникальные источники по многообразию возможных в их изучении аспектов. Они могут быть рассмотрены как памятники архитектуры, крестьянской письменности, культа, навигационные знаки поморов (жителей побережья Белого моря), которые были нанесены на лоцманские карты. И хотя они невелики в сравнении с церковью или колокольной, велика сила их эмоционального воздействия на человека.

Кресты, которые известны и сохранились на Русском Севере до настоящего времени, можно датировать XIX – пер. пол. XX века. Значительная часть их располагалась на

побережье Белого моря, на островах Соловецкого архипелага, на Новой земле, в бассейнах рек Мезени, Пинеги, на Каргополье. В 1982-1987 гг. экспедицией Института истории мировой культуры Российской академии наук и Архангельского областного краеведческого музея были проведены работы по обследованию сохранившихся старинных крестов побережья Белого и Баренцева морей, всего было зафиксировано около 90 крестов [7].

В архитектурном отношении на Русском Севере получили распространение восьмиконечные кресты. Часто они располагались под специальным навесом на столбах, установленных по его контуру. Также они могли находиться в храмах, часовнях, специально построенных часовнях – амбарах, реликвиях (футлярах) для их хранения [8].

Деревянные кресты часто называли «обетными», хотя значение и случаи, по которым они ставились, гораздо шире. Они могли действительно возводиться по обету как своего рода благодарность Богу. По рассказам моряков, пережив опасные для жизни моменты и выйдя на берег живыми, они ставили обетный крест на берегу моря или в непосредственной близости от места спасения, или у себя в деревне, около дома.

Другим поводом для возведения обетных крестов служили болезни, чаще детские. Самой распространенной формой обета было обещание пожертвовать «на крест» отрез материи или полотенце. Высокие, с двухэтажный дом, обетные кресты Мезени и Поморья украшались также фартуками, шелковыми платками, куклами, сюда клали деньги. При этом, чем тяжелее болезнь или серьезней опасность, от которой удалось избавиться, тем длиннее отрез дарственной материи. Существовали наиболее почитаемые кресты, к которым ездили за многие километры из других деревень.

Типологически деревянные кресты можно отнести к следующим группам, учитывая их значение и роль, которую они выполняли: поклонные, обетные, памятные, маячные, поминальные, охранительные, кладбищенские, благодарственные.

Местоположение крестов могло быть следующим: на месте сгоревшей церкви, при дорогах, внутри культовых построек (в часовне или церкви), около источника, за деревней, на скотном выгоне, в лесу, на берегу реки и моря, на возвышенном месте, на мысе, среди пахотных полей, в усадьбах крестьян, при въезде в село, на перекрестке дорог.

Деревянные кресты играют большую роль в ансамбле северной деревни, являются памятниками архитектуры, где в миниатюре повторяются все элементы плотницкого мастерства и декоративного убранства, присущие деревянному зодчеству.

Иногда их устанавливали посередине небольшой деревенской площади и ставили так, чтобы они были видны из окон окружающих домов. Вне зависимости от скромности или богатства их облика, они украшались с тем же тактом и пониманием свойств материала, что и наружные детали крестьянских построек. Для предохранения крестов от дождя и снега над ними делали двухскатную кровлю с миниатюрным охлупнем и резными причелинами. Крыши, если они большие, опирались по краям на столбы, врытые в землю или укрепленные в низком, в 2-3 венца, срубе. Получалась открытая часовня.

Такие кресты-часовни до недавнего времени сохранялись в Заостровском приходе Приморского района, часть из них имела форму ротонды. Обследование крестов выполнено автором и архитектором Н.А. Подобиной в 1988-1989 гг. по заданию музея «Малые Корелы» [9].

Особой группой на Русском Севере выделяются поморские кресты, которые возводились на побережье и островах Белого и Баренцева морей.

Издавна этот регион осваивался сменявшими друг друга народами Севера. В XVI веке здесь кочевали ненцы (самоеды) и, вероятно, продолжали вести морской промысел остатки покоренного и частично ассимилированного легендарного народа «сиртя». Именно эти народы сформировали сакральный мир с главным центром на о. Вайгач [10]. В сакральном ландшафте острова «издревле почитались главные два идола, один на южном конце сего острова, мужского пола, другой на северном конце, женского рода» [11]. По сведениям экспедиции 1556 г. Стивена Барроу, сотни деревянных, каменных, металлических идолов были зафиксированы вокруг семилетнего деревянного идола Вэсако [12]. Символика ненецких святилищ, основанная на сакральном числе 7, раскрывает их связь с космологической моделью мира.

Святилища ненцев и деревянные идолы сохранились до настоящего времени, они были зафиксированы экспедициями 1896 г. и 2004 г. [13]. Православные кресты, располагаясь на месте языческих капищ самоедов, утверждали христианство в зоне чужого са-

крального мира. Многие кресты были поставлены монахами Соловецкого монастыря перед выходом в море и после окончания промысла. Впечатляющая картина изображена на одной из акварелей Атласа 1797 г. На ней изображены бухта Большого Заяцкого острова и 20 стоявших на берегу деревянных крестов [14].

Поморские кресты служили навигационными знаками. Сведения о крестах содержатся в лоциях, которыми пользовались мореходы. В поморской лоции XVIII века встречаются такие описания: «*Святой Нос, на коем много крестов*», «*В реке Коле, на левой руке на наволоке крест*» [15].

Поморы ставили кресты на дальних становищах и в арктических зимовьях с целью подать весть о себе в случае гибели. У писателя Бориса Шергина есть рассказ-быль, основанный на реальных событиях о братьях Личутиных, попавших в бедствие при возвращении с промысла осенью 1857 г. Волею судьбы оказались они на крохотном каменном острове посреди моря без и провизии, но не пали духом. Перед лицом неминуемой смерти один из братьев стал вырезать на столешнице, оказавшейся на острове и послужившей предсмертным надгробием, узор, а другой написал стих о последних днях жизни [16].

В Поморье, имея мощную «подпитку» из Соловецкого монастыря, в течение столетий сложилась особая православная островная культура мореходов. Деревянный восьмиконечный крест стал ее центральным символом. Кресты морских первопроходцев вели не одно поколение поморов от одного залива к другому, от одного острова к следующему. Защитная сила креста диктовала особые условия формирования жизни на новом пространстве, где крест являлся центром окружающего ландшафта [17].

На Русском Севере, как уже отмечалось, получил распространение восьмиконечный крест. Вертикальный основной брус пересекают три перекладины: две горизонтальные и одна наклонная. Основание креста – восьмой конец – заключался в сруб, укрепленный изнутри и снаружи камнями. Горизонтальные и косая перекладины – атрибуты креста, несшего функцию орудия казни: на нижнюю распятый опирался ногами, на средней простирались руки, а над головой казненного находилась дощечка (позже превратившаяся в верхнюю, короткую перекладину).

Строители церковных крестов высоко чтили церковные каноны, соблюдали приня-

тые пропорции, обязательно украшали крест резьбой. В качестве надписей использовались изречения из Евангелия, целые предложения или его части, записанные с помощью сокращений и определенных символов – криптограмм. Они создают облик таинственности, святости и неповторимости креста. Украшение же креста письменами и орнаментами – это не только исполнение общепринятого канона, но и способ выражения мыслей и чувств, форма обращения к Богу, к предкам и потомкам. Вероятно, в этом и состоит основное предназначение креста, его необычайная привлекательность и ценность.

В XIX веке на Мезени было налажено ремесленное производство деревянных крестов. На основе полевых исследований автора (2002-2007 гг.) были установлены центры их изготовления: д. Нисогора и д. Кельчемгора бывшей Юромской вол. Мезенского уезда. В д. Кельчемгора в конце XIX – середине XX века работали резчики отец и сын Орловы [18].

Один из известных – крест из д. Кельчемгора Мезенского района, конца XIX века [19], в настоящее время находящийся в экспозиции музея деревянного зодчества «Малые Корелы». В центре креста вырезано распятие. Фигура Иисуса Христа изображена анатомически точно с крестьянской основательностью и непосредственностью. По художественным достоинствам – это один из лучших мезенских крестов.

В 2000 г. в Мезенском секторе музея «Малые Корелы» был установлен и освящен обетный крест, аналогом которого послужил крест д. Козьмогородская Мезенского района (1899 г.) [20].

Деревянные кресты играют большую роль в культурном ландшафте мезенских поселений. Сохранились великолепные кресты-распятия XIX века: в лесу, около д. Березник, на полях в районе д. Жердь, на берегу р. Мезени (Кимжа). Особый интерес представляют кресты с. Кимжа Мезенского района Архангельской области.

На берегу р. Мезени в 1,5 км от Кимжи – обетный крест в Заборе, поставленный в 1887 г. купцом Савиным «в память о спасении от утопления в р. Мезени». С особой почитательностью кресту поклоняются и в настоящее время. Подтверждением этому служит традиция ежегодно на Пасху шить рубашку из белого полотна с вышитым крестом посередине и надевать ее на крест. Прихожане оставляют на святом месте приношения:

деньги, конфеты, свечи, детские игрушки, отрезки материи, платки.

Кресты в Кимже часто строились из лиственницы, местоположение их было различным: в усадьбе, на дорожке, позади дома, в полях, около часовен. Иногда их ставили на «переду» дома, около «святого» угла. Здесь зафиксирован редкий обычай – постройка фамильных крестов и их наследование. Часто от дома вслед за хозяином они переносились на кладбище: «Крест стоял у дома; когда хозяйка умерла, его поставили на ее могилу». В Кимже существовал обычай хоронить умерших рядом с домом, гумном, овином, амбаром, за околицей, у мельниц. Это был своеобразный языческий оберег удаленной от боль-

ших дорог Кимжи от невзгод, неурожаев, опасностей.

Ценность северных деревянных крестов заключается в том, что они в культурно-генетическом коде связывают «век нынешний и век минувший». В их содержании глубокая суть – осмысление длящейся во времени жизни и отношение ее к вечности. Архитектурная форма этого выражения была традиционна для многих народов – просто деревянный крест. В Поморье, где сложилась православная морская культура, крест отражал особые условия жизни, был центром окружающего пространства, выполняя в культурном ландшафте защитную и сакральную миссию.

Примечания

1. Шляпкин, И.А. Древние русские кресты [Текст] / И.А. Шляпкин. – СПб., 1906. – С. 11.
2. Сперанский, М.Н. Придорожные кресты в Чехии и Моравии и византийское влияние на запад [Текст] / М.Н. Сперанский // Археологические известия и заметки Московского Археологического общества. – № 12. – 1985. – С. 395.
3. Шляпкин, И.А. – Указ. соч. – С. 12.
4. Пермиловская, А.Б. Уникальные памятники архитектуры в собрании АГМЗНИ «Малые Корелы» [Текст] / А.Б. Пермиловская. – Архангельск, 2001. – С. 16-17.
5. Древнерусский приход и его пережитки в церковно-общественной жизни Архангельской епархии [Текст]. – Архангельск, 1916. – С. 3.
6. Терехин, Н.М. Сакральная география Русского Севера [Текст] / Н.М. Терехин. – Архангельск, 1993. – С. 56.
7. Овсянников, О.В. О деревянных крестах Русского Севера [Текст] / О.В. Овсянников, М.О. Ясински // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. – Архангельск, 1995. – С. 26-27.
8. Орфинский, В.П. Народное деревянное культовое зодчество Российского Севера: истоки развития [Текст] / В.П. Орфинский // Народное зодчество: сборник научных трудов. – Петрозаводск, 1992. – С. 51-53.
9. Пермиловская, А.Б. Деревянные кресты Русского Севера [Текст] / А.Б. Пермиловская // Ставрографический сборник. – М., 2001. – Кн. 1. – С. 239-240.
10. Боярский, П.В. Русский крест в сакральном пространстве Арктики [Текст] / П.В. Боярский // Ставрографический сборник. – М., 2001. – Кн. 1. – С. 130.
11. Вениамин, архимандрит. Самоеды мезенские [Текст] // Архангельские губернские ведомости. – 1849. – № 11. – С. 79.
12. Английские путешественники в Московском государстве в XVII веке [Текст]. – М., 1937. – С. 108-110.
13. Немецкое святилище с семикиким идолом было обнаружено Морской арктической экспедицией 1897 г. на большом Цинковом острове: Боярский П.В. Указ. соч. – С. 137-138; экспедицией ИЭПС УрО РАН деревянные идолы зафиксированы на о. Долгий в 2004 г.
14. Овсянников, О.В., Ясински, М.О. Указ. соч. – С. 38-39.
15. Ушаков, И.Ф. Кольский крест [Текст] / И.Ф. Ушаков // Наука и бизнес на Мурмане. – Мурманск, 1997. – С. 60; Рейнеке, М.Ф. Гидрографическое описание северного берега России [Текст] / М.Ф. Рейнеке. – СПб., 1843. – Ч. 2. – С. 206.
16. Шергин, Б.В. У архангельского города [Текст] / Б.В. Шергин. – Архангельск, 1985. – С. 52.
17. Боярский, П.В. Указ. соч. – С. 142.
18. Пермиловская, А.Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX-началоXX века) [Текст] / А.Б. Пермиловская. – Архангельск, 2005. – С. 121-122.
19. Мильчик, М.И. По берегам Пинеги и Мезени [Текст] / М.И. Мильчик. – Л., 1971. – С. 146-148; Мильчик, М.И. Обетные кресты Мезени [Текст] / М.И. Мильчик // Декоративное искусство. –

1974. – №2. – С. 50; Permilovskay A.B. Memorial Cross of Promise on the Turn of the Century // 20-th Conference of the Association of European Open Museums. – Szentendre Hungary, 2001. – P. 116-124.
20. Авторы проекта: А.Б. Пермиловская, А.Н. Подобина, резчик В.Д. Лютиков, АГМДЗиНИ «Малье Корелы», 2000.

Н.В. Суленёва

РИТМООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПОСТАНОВОЧНОГО ДИСКУРСА

В статье анализируется влияние ритмических структур литературного произведения на создание телевизионного постановочного дискурса. Предложенный подход обеспечивает эффективность творческой деятельности телережиссера при перекодировке литературного источника в экранную версию.

N.V. Sulenyova

RHYTHM MAKING FACTORS OF A TELEVISION PRODUCTION DISCOURSE

In the article the influence of rhythmical structures in the literary work on the creation of television stage discourse is analyzed. The suggested approach contributes the effectiveness of creative activity of TV director during the decoding of literary source into a screen version.

Любая вещь, присутствующая в действительности, имеет две стороны: внешнюю и внутреннюю (видимую и невидимую). Эти две стороны находятся между собой в определенных отношениях: вещественность, то есть чисто внешняя сторона, присуща всем вещам, в этом смысле всё в мире тождественно, а вот отличия кроются где-то внутри. Наличие этих двух составляющих обязательно, поскольку без тождества внутреннего и внешнего действительность перестает существовать.

Литературное произведение также состоит из идеи и материи, и эффективность создания телевизионного постановочного дискурса зависит от их единства. Текст – это действительность, представленная в определенных образах.

Каждое слово, входящее в текст, несет в себе смысловую энергию всего текста. Смысл слов, естественно, варьируется не только в фонематическом плане. Он зависит от способа расположения слов в предложении, от ритма текста, рифмы в стихах и прочих внешних приемов, употребляемых с целью создания выразительности формы и содержания. Это есть пойематический слой в семеме, где и проявляется второе слагаемое образного решения телевизионного постановочного дискурса – **ритм**, который несет в себе, дополнительно к фонематической, энергию текста.

В определении ритмообразующих факторов художественного текста хотелось бы обратить внимание на работу Е. Эткинда «Разговор о стихах», где автор предлагает своеобразную лестницу ритмов из десяти ступеней [7. С. 25]:

1. Ритм метрических ударений (стопа).
2. Ритм концевых ударений (клаузула).
3. Ритм концевых созвучий (рифма).
4. Ритм числа слогов (силлабический стих).
5. Ритм строковых пауз.
6. Ритм цезур (внутристроковых пауз).
7. Ритм внутренних рифм.
8. Ритм фраз (синтаксический ритм «зашагивание»).
9. Ритм реальных (грамматических) ударений (тонический стих).
10. Ритм строф.

Все эти ритмы существуют во взаимосвязи и способствуют созданию ритмообраза в работе телевизионного режиссера над постановочным дискурсом.

Убедительным примером ритмообраза, наполняющего экранную версию литературного произведения, служит телевизионная программа по стихам С. Кирсанова «Циркач стиха» (реж. Л. Целкова, П. Тимофеева и др.). Вся программа наполнена ритмами метрических ударений, создающих параллель авторскому тексту.